

С тех пор как случилась беда, сон Фу Гэ стал лёгким, будто тонкий лёд, и особенно плохо он спал, когда Ци Хань не был рядом. Возможно, это побочный эффект от слишком частых течек — без альфы, без его феромонов, сон оказывался неустойчивым, рваным.

Вот и сейчас, стоило Ци Ханю уйти, как он тут же проснулся — глаза ещё не открылись, сознание где-то на грани сна и яви, но он ясно чувствовал, как кто-то касается его лица.

Одно лишь тепло этой ладони говорило о том, кто это был.

Фу Гэ улыбнулся, не открывая глаз, потянулся, лениво обнял руку альфы, но вдруг понял — тот дрожал.

— А Хань...

Он резко распахнул глаза, но не успел даже подняться, как его крепко заключили в объятия.

Ци Хань прижал его лицом к своей груди, спрятал подбородком макушку, не позволяя заглянуть в его лицо.

Фу Гэ слегка нахмурился, тревожно замерев в его руках.

— Что случилось?..

Альфа шумно втянул воздух носом, но ничего не ответил. Только сильнее сжал его в своих объятиях, так крепко, что казалось, будто боится, что тот исчезнет, если отпустить хоть на секунду.

— А Хань? — тихо позвал Фу Гэ, снова не получив ответа.

Он мягко, почти ласково накрыл дрожащие веки ладонью, тонкие пальцы легко скользнули по коже.

— Что мне с тобой делать, а? Такой большой, а всё плачешь. Дзюэ увидит — засмеёт же.

Ци Хань не улыбнулся.

Он лишь вскинул руку, несмело коснувшись его груди, едва ощутимо провёл пальцами по ткани пижамы.

— Лёгкие... — его голос был хриплым, сдавленным, чужим. — Они... полностью зажили?..

Фу Гэ вздрогнул.

Несколько долгих секунд он сидел молча, потом медленно, будто избегая встречи с его глазами, высвободился из объятий, опустил голову.

— Лао Фан рассказал тебе?.. — голос был тихий, почти беззвучный.

Лао Фан. Единственный человек, кто помог ему в тот месяц. Единственный, кто знал.

Ци Хань кивнул.

— В Литанге, когда мы только приехали... наша первая еда... — он заговорил медленно, но голос всё больше дрожал. — Ты был не в духе. Это я... своими словами... напомнил тебе обо всём, да?

Фу Гэ молчал.

А потом, слабо кивнув, нащупал его руку и тёплым движением прижался щекой к ладони.

— Да. Я злился.

— Это не злость. — В глазах альфы всё плыло, красные веки дрожали. — Это моё ебучее преступление.

Он сглотнул, выдавливая слова сквозь ком в горле, губы пересохли.

— Если бы не я, ты бы не жил так, чтобы у тебя не было даже на лекарства. Это не просто болезнь, она убивает, ты понимаешь?

Фу Гэ не выдержал и наконец поднял голову.

На лице Ци Ханя всё ещё было мокро от слёз.

Его голос оборвался — оборвался резко, захлебнулся в мягком, жарком поцелуе, когда Фу Гэ, не давая договорить, прижался к его губам, медленно, неторопливо, со вкусом, словно стараясь стереть всю боль своим теплом. Его язык лениво скользнул по губам альфы, дразня, успокаивая, растворяя все несказанные слова в медленном, затягивающем движении.

Лицо маленького беты порозовело, на щеках выступил тёплый румянец, и он, не отстраняясь, нежно уткнулся лбом в его висок.

— А Хань... — голос был тихий, с лёгкой дрожью. — Я всегда боялся говорить с тобой об этом. Боялся, что если снова вспомню, начну злиться, обижаться, и мне некуда будет выплеснуть эту злость, кроме как на тебя...

Ци Хань резко поднял голову.

Пальцы на запястье Фу Гэ непроизвольно сжались — он боялся, что сейчас тот скажет: «Давай поживём отдельно. Дай мне время разобраться в своих чувствах.»

Но вместо этого Фу Гэ вдруг улыбнулся.

В глазах, похожих на миндаль, заиграли мягкие блики.

— Но знаешь... Я понял, что этого не произошло.

Он чуть склонил голову набок, прищурился, будто разглядывая его лицо заново.

— Знаешь, какая у меня была первая мысль, когда ты сказал «легочная болезнь»? — уголки его губ дрогнули, а в глазах мелькнул лукавый огонёк. — «Чёрт, теперь он узнал. Этот плакса опять будет страдать и рыдать, как же его теперь утешать?»

Ци Хань будто оглох.

— Ты... ты столько пережил... и всё равно думал, как бы я не расстроился?

Он чувствовал, как сердце скручивается в горький узел.

Фу Гэ чуть прищурился, глядя на него исподлобья.

— А ты? — его голос был тихим, но в нём звенела сталь. — Ты правда думаешь, что когда держал в руках иглу, я хоть на мгновение ненавидел тебя?

Он медленно провёл пальцами по его запястью.

— Ты хоть на секунду сомневался, когда он вонзал иглу в меня, а ты боялся броситься на него? Хоть раз испугался, что не справишься, когда меня похитили?

Ци Хань даже думать не стал.

— Нет! — он резко покачал головой, голос был твёрдым, не допускающим сомнений. —

Никогда. Я бы сдох, но не дал бы тебе снова пройти через это.

Фу Гэ рассмеялся сквозь слёзы.

— Ну вот и славно.

Фу Гэ осторожно стер слезы с его ресниц, мягко поцеловал в веки, а затем, скользнув руками к шее, притянул ближе.

— Я знаю, — прошептал он, — знаю, что тогда тебе было всё равно, что ты жил, как будто твоё существование ничего не стоит. Ты даже себя не жалел... но всё равно продолжал жалеть меня.

Он сделал паузу, чуть сжав пальцы на его затылке.

— Ты был готов отдать свою жизнь за ребёнка, с которым у тебя не было ничего общего... просто чтобы у меня был дом.

Глаза у Ци Ханя снова покраснели, грудь ходила ходуном, но Фу Гэ не дал ему говорить, продолжая ровным, тёплым голосом, в котором не осталось ни ненависти, ни боли, ни даже прежней горечи.

— Так какая злость может остаться после этого? Я больше не злюсь на тебя.

Он замер, вспомнив ту ночь.

— В тот день, когда я простил тебя, я впервые за много лет спал спокойно. Я всегда думал, что единственный способ успокоиться — это увидеть, как ты сдохнешь. Что только тогда я, наконец, перестану просыпаться в страхе.

Он горько усмехнулся.

— Но знаешь что? После свадьбы мои кошмары стали только хуже. Это ты научил меня, что месть не приносит освобождения. Что только отпустив, можно выжить.

Ци Хань, давясь комом в горле, уткнулся лбом в его лоб, его губы дрожали, а пальцы бессильно сжали ткань пижамы.

— Ты правда... совсем всё отпустил?

Фу Гэ закрыл глаза и кивнул.

— Да. Теперь твоя очередь. Давай просто будем жить.

Ци Хань крепче прижался к нему, пряча лицо у него в шее, сдавленно пробормотав:

— Я не такой сильный, как ты... мне ещё нужно несколько лет.

В тот вечер они просто молча сидели, обнявшись.

Ни слова, ни движения — только дыхание, ровное, чуть хрипкое, но одинаково тёплое. Время шло, мягкое и неторопливое, пока, наконец, Ци Хань сам не заговорил, голос хрипел, будто ржавое лезвие:

— Расскажи мне. Всё, что было.

Фу Гэ на секунду задумался, но его пальцы уже нашли его руку, переплелись с ней.

— Хорошо.

Прошлое Фу Гэ было самым острым ножом, вонзённым в грудь Ци Ханя.

Каждая всплывающая деталь делала этот нож длиннее. Каждое воспоминание загоняло его глубже.

Годами накопленная вина душила, разъедала изнутри, и не было ничего страшнее, чем вот так, без защиты, без фильтров, смотреть в глаза его боли.

Но лучше было выжечь этот гной одним махом, чем умирать от него по капле.

И если Фу Гэ мог говорить об этом — то и Ци Хань мог выдержать.

Фу Гэ смотрел прямо в него.

— Всё прошло, — тихо сказал он. — Сейчас я в порядке.

И тут же сломал его в щепки.

Ци Хань разрыдался, уткнувшись в его плечо, судорожно, захлёбываясь в собственном голосе, выдавливая слова между хриплыми всхлипами:

— Гэ... мне больно... я не могу... это хуже всего... Я просто... просто хочу себя убить...

Фу Гэ всхлипнул, сквозь слёзы улыбнувшись.

— Нет, — его голос был сиплым, надтреснутым, но он говорил твёрдо, как будто это был приказ. — Если ты умрёшь... у меня не останется ничего.

Эти шестьдесят минут стали самыми долгими в жизни Ци Ханя.

Когда Фу Гэ закончил говорить, он не сразу понял, что всё уже кончилось. Просто сидел, глядя в пустоту, не чувствуя ни рук, ни ног, ни даже собственного тела. Всё было онемевшим.

Когда в палату вошёл врач с медицинской картой, Ци Хань не двинулся.

Он даже не понял, что происходит, даже не слышал, что говорит доктор — пока не раздался приглушённый, испуганный крик Фу Гэ.

Ци Хань вздрогнул.

— Что? — спросил он, словно просыпаясь.

Фу Гэ смотрел на него в ужасе.

Лицо его было белее мела, а пальцы дрожали, когда он коснулся повязки на его шее, осторожно, будто боялся ещё больше навредить.

— Больно? — спросил он осипшим голосом.

— Нет, — Ци Хань хрипло рассмеялся, поймав его руку в свою. — Всё нормально.

Но когда врач разрезал повязку и осторожно снял её, даже он на мгновение замер.

Ци Хань гнил.

Мясо под кожей разъело, гной выступал на поверхности, а повреждённая ткань выглядела мертвой.

Ци Хань даже не поморщился.

Фу Гэ застыл, а потом его трясло, как в лихорадке.

— Как... как это вообще возможно?! — его голос дрожал, слёзы хлынули из глаз, не спрашивая разрешения. — Как это может не болеть?!

Врач нахмурился.

Чтобы проверить его реакцию, он резко опустил маленький пластиковый молоточек прямо на плечо альфы.

Ци Хань даже не вздрогнул.

Фу Гэ, затаив дыхание, смотрел на него, а потом шевельнул губами, едва слышно выдавливая:

— У него... даже боль исчезла?... Он больше ничего не чувствует?

— На данный момент именно так, — врач поправил очки, задумчиво глядя на него. — Господин председатель в слишком короткий срок перенёс слишком многое. Травма за травмой, стресс на стресс — боль накапливается, пока не достигает предела. Тогда организм просто... перестаёт её чувствовать. Это своеобразный защитный механизм.

— Но это можно вылечить? — Фу Гэ спросил резко, так, будто от ответа зависело всё.

Врач вздохнул.

— Вероятно, да. Но сроки предсказать трудно. Может, несколько лет, может, всего несколько месяцев. Всё зависит от психики. В таких случаях лучше обратиться к специалисту.

Фу Гэ опустил глаза, посмотрел на него.

Альфа медленно, едва заметно улыбнулся.

— Не волнуйся, всё нормально. Мне правда хорошо.

Фу Гэ закрыл глаза.

— Почему тогда его железа так разлагается? — голос был сдавленным. — Она же была в порядке пару дней назад.

Врач, не снимая перчаток, вновь осторожно осмотрел рану.

— Не должно было так быть, — нахмурился врач. — Раны были неглубокие, просто пара порезов рядом. Это не объясняет воспаление. Тем более, что железа полностью потеряла способность к регенерации.

Он вдруг поднял глаза.

— Она раньше была повреждена?

Фу Гэ замер.

Зрачки расширились, тело пронзила судорога, словно по нему ударил электрический разряд.

Ци Хань не дал ему заговорить.

Резко, молча, он поднялся и, схватив врача за плечо, буквально вытолкнул его за дверь.

— На этом закончим. Завтра я сам приду в кабинет.

— А Хань! — сзади сорвался голос, надломленный, с хриплым надтреском.

Фу Гэ стоял посреди палаты, замерев, а по щеке стекала прозрачная капля слезы.

— Ты... ты откачивал феромоны.

Врач улыбнулся, будто услышав что-то обыденное.

— А, это? Да ничего страшного. Для альфа класса 3S это не критично. Сколько миллилитров было изъято?

Ци Хань сжал кулаки.

— Восемьдесят.

Фу Гэ сглотнул.

— Сто пятьдесят.

— Сколько?! — врач вытаращил глаза, чуть не подавившись воздухом.

Фу Гэ сжал зубы, сердце заколотилось в груди, будто его пронзили ножом. Голос застревал в горле, но он всё же выдавил:

— Не всего.

Он судорожно вдохнул, каждая клетка тела сжималась в агонии.

— Каждую неделю. По сто пятьдесят.

Фу Гэ стоял, уставившись в пол, его пальцы судорожно сжимали угол стола.

Врач, наконец, выдохнул, обессиленно покачав головой:

— Даже самый сильный человек не выдержит такого. Сто пятьдесят в неделю... Это минимум пять процедур. Если не считать объём, а только сам процесс — он должен был умереть от боли.

— Тьфу.

Ци Хань хмыкнул, небрежно притянув Фу Гэ в объятия, будто тому нужно было подтверждение, что он здесь.

— Оставьте лишние разговоры. Просто скажите, можно ли вылечить.

Врач посмотрел на него долгим, усталым взглядом, а потом кивнул.

— Можно. Но... — он замялся. — Вам нужно быть готовыми к последствиям.

Фу Гэ задрожал.

— Каким?

— В лучшем случае — трудности с выделением феромонов. Проблемы с временной и постоянной меткой, ощущение застоя, боли при перемене погоды...

Он приподнял брови.

— Ну и... лучше вам завтра проверить уровень его железа.

Фу Гэ резко поднял голову.

— Уровень железа?

Он смотрел на врача почти без эмоций, но в глазах было что-то сломанное.

— Вы хотите сказать, что...

Врач кивнул.

— Возможно, он больше не ЗS.

Будто цельный мир треснул и осыпался обломками, заваливая его под обломками.

Фу Гэ потерял контроль.

Глаза потемнели, всё закружилось, и прежде чем он успел что-то сделать — ноги подкосились.

Он рухнул на кровать, словно силы разом вышибло.

Даже Ци Хань онемел. Он застыл, не в силах осознать, медленно, почти механически поднял руку, дотронулся до своей шеи...

Он был золотым мальчиком.

Гордостью семьи Ци.

ЗS-альфа — один из немногих, один из пяти процентов, элита, богоподобное существо, рождённое для доминирования.

Гены, сила, интеллект, статус. Всё, что делало его им.

Теперь этого, возможно, больше не было.

Если железа сломана, если уровень падает — это всё равно что отрубить меч у воина, ослепить стрелка, отнять руки у рожденного для боя.

Никто не смирится с тем, чтобы из лучших стать никем.

Ци Хань на мгновение замер, чувствуя странную, почти чужую жалость, но тут же взял себя в руки.

Он наклонился, прижался лбом к лбу Фу Гэ, голос его был лёгким, почти невесомым:

— Неважно, малыш, 3S или нет — мне уже плевать на это.

Он бросил взгляд в сторону, давая врачу знак убраться, и, когда дверь за тем закрылась, сел на кровать, притянул к себе застывшего Фу Гэ. Маленький бета дрожал в его руках, а потом разом сорвался, слёзы градом полетели вниз, в покрасневших глазах — раскаяние, боль, вина:

— Я вовсе не был болен, я просто... я просто искал предлог. Предлог, чтобы мучить тебя. Чтобы довести до изнеможения, сломить, сделать беспомощным...

Ци Хань усмехнулся, будто удивлён:

— И потому ты решил выкачивать мой феромон? Ну и умница.

— Да что ты несёшь! — Фу Гэ дернулся, раздражённо шлёпнул его по плечу, в глазах вспыхнул гнев — видеть не мог, как этот человек так легко смеётся над своим телом.

Но Ци Хань лишь лениво улыбнулся:

— Ты ведь только что сам меня уговаривал, а теперь забыл, что говорил? Всё в прошлом, малыш. Давай просто жить дальше.

Фу Гэ сжал губы, покачал головой и уткнулся в его шею, голос дрожал:

— Если уровень упал, он уже никогда не вернётся... Это была твоя гордость.

Ци Хань на секунду замолчал.

— Ты правда так думаешь?

— А разве не так?

— Конечно, нет. Ни в восемнадцать, ни в двадцать три, ни вчера, ни сегодня. Статус, титулы — разве это могло быть моей гордостью?

Он легко коснулся носа маленького беты, улыбнулся почти незаметно:

— Единственная гордость, что у меня была, — это ты.

Какие-то вещи не стоят даже упоминания рядом с Фу Гэ.

У него есть человек, которого он любит. Человек, который будто звезда, сорвавшаяся с неба, и, касаясь земли, вспыхнула ярким пламенем. Человек, который освещал его жизнь долгие, долгие годы.

Даже если между ними была долгая разлука, тепло осталось.

Фу Гэ вздрогнул, провел пальцами по его железе, затем коснулся раны на горле, кончик носа дрогнул, и слёзы снова хлынули вниз.

— Но если бы я не заставил тебя... ты бы не потерял столько... —

— Стоп.

Ци Хань резко прервал его:

— Остановись, Сяо Гэ. Никогда так не думай. Ни сейчас, ни потом, ни в какой из возможных жизней.

Он сжал его лицо, приподнял подбородок, голос твёрдый, непреклонный, с резким, нетерпеливым оттенком:

— Эта рана на горле? Я сам её нанес. Феромоны? Это было моё решение. Всё, что случилось — это моя вина, моя расплата. И ты не имеешь права винить себя за это, даже на секунду, понял?

Никогда, ни разу он не пытался привязать Фу Гэ чувством вины, не собирался вымогать у него прощение, не хотел, чтобы его жалели. Всё, чего он желал, — чтобы Фу Гэ наконец отпустил, перестал цепляться за призраки прошлого. Даже в письме Чэнь Сину он оставил последнее желание: похоронить его подальше от маленького беты.

— Сяо Гэ, — его голос звучал приглушённо, но твёрдо, — я не трус, который сбегает от ответственности. Всё, что я делал, всё, через что мы прошли, — это моя ноша, и я её несу.

— Какими бы ни были мои мотивы тогда, я причинил тебе боль. Это факт. И за каждый поступок человек должен отвечать. Я взрослый, я это понимаю. И всё, что ты сделал, — я заслужил.

Он замолчал на секунду, затем наклонился и коснулся лбом лба Фу Гэ.

— К тому же, если бы ты не отомстил, если бы не сделал всего этого... — его голос дрогнул,

усмешка легла тенью на губы. — У меня бы просто не было права находиться рядом с тобой.

Он закрыл глаза, губами задел уголок чужого рта, выдохнул едва слышно:

— Я благодарен, что ты смог меня простить. Но сам себя я не прощу никогда. Семь месяцев? Это не было наказанием. Это было освобождением.

— Потому что ты дал мне шанс снова быть с тобой.

И вот, наконец, ночь, казавшаяся бесконечной, достигла своего конца. Острые осколки прошлого сомкнулись, складываясь в единую картину. Тьма, терзающая души, рассыпалась прахом, и двое, прошедшие сквозь боль и страх, остались вместе.

На их шрамах выгравированы имена друг друга, как на самых подходящих людях в этом мире. Их любовь запечатлена в каждом мгновении, когда облака расступаются перед солнцем, когда дождь перестаёт быть проклятием, а становится жизнью.

— Тогда... давай завтра проверим твою железу? — голос Фу Гэ прозвучал тихо, почти застенчиво.

Ци Хань улыбнулся, наклонился и поцеловал его.

— Как скажешь, малыш.